
Анна Ларен
Обещание
18+

Анна Ларен
Обещание

https://litres.ru/74746099
SelfPub; 2026

Аннотация

Англия, 1816 год. Потеряв мужа, Шарлотта соглашается на брак с его другом. Она верит, что Александр исполняет обещание, данное умирающему, и старается стать достойной женой человека, которому обязана своим будущим.

Но за его сдержанной заботой скрывается чувство, о котором она не подозревает. Постепенно благодарность уступает место желанию — и именно тогда правда о прошлом ставит под угрозу их хрупкое счастье. Теперь им предстоит узнать, можно ли выбрать любовь, которая началась с умолчания.

Содержание

Пролог 4
Глава 1 7
Лондон, июль 1814 года 7
Глава 2 15
Глава 3 20
Март 1815 года 20
Глава 4 27
Окрестности Ватерлоо, ночь с 18 на 19 июня 1815 года 27
Глава 5 34
Лондон, июль 1815 года 34
Глава 6 40
Ноябрь 1815 года 40
Глава 7 46
Глава 8 52
Февраль 1816 года 52
Глава 9 57
Глава 10 63
Июль 1816 года 63
Глава 11 69
Глава 12 74
Конец ознакомительного фрагмента. 75

Анна Ларен
Обещание

Пролог

Он всегда мечтал о ней. С самого первого дня. Нет, ночи. Друг представил ее ему днем – молодую жену – они провели вечер вместе за ужином, она играла на фортепиано, они много смеялись, достали карты и разложили вист. А потом он ушел в свою холостяцкую квартиру – и полночи мечтал о том, что сделал бы с ней, окажись она сейчас рядом на постели.

О, он всегда был дамским угодником – и это самое невинное из его прозвищ. Он не вел списка своих побед, но если бы вел, то тот занимал бы не одну страницу. Он никогда не считал. Он не желал увлекать женщин ради престижа или очередного номера в тетрадке. Просто он слишком легко увлекался – и слишком тяжело ему давался отказ от своих желаний.

В этот раз пришлось отказаться. Жена друга – это было неприкосновенно. Он мог не флиртовать с ней, не показывать своих желаний, сдерживать лишнее слово. Он так и делал. Старательно, неукоснительно. Единственное, что он мог себе позволить – это приходить в свою берлогу и мечтать.

И уж этим он пользовался без всякого стеснения. Возможно, он не был благородным человеком, но он никогда не мог упрекнуть себя в нечестности с самим собой.

Он и сам не знал, почему именно она. Едва ли не недоступность стала решающим фактором… он встречал много недоступных женщин, далеко не все сдавались под натиском его чар. Но никого из них он не представлял так живо в постели подле себя, как ее.

Было в ней что–то, что опьяняло. Невысокая, ладная, очень женственная в движениях и приветливая в разговоре. Спокойная, всегда дружелюбная. Милая – вот хорошее слово. Светлые, почти пшеничные волосы в сочетании с темными глазами придавали ее лицу интересный контраст. Ее нельзя было назвать просто хорошенькой. Была в ее лице та тайна, которую хотелось рассмотреть и разгадать.

Он повидал много женщин. И некоторые, наверное, были красивее ее. Он не помнил. Никого больше не существовало.

Хотя нет, к чему лукавить. Он мужчина, он встречался с женщинами и после знакомства с ней. Но ни с кем не оставался на ночь и никого больше не приводил к себе. Его берлога теперь была только для нее – пусть даже лишь в его фантазиях.

Иногда обедать с ними или ехать в театр становилось совсем сложно… тогда он находил правдоподобные причины отказаться. Они и сами не очень настаивали– вероятно, наслаждались началом семейной жизни.

А он шел в клуб, осушал несколько бокалов виски, а потом долго сидел на краю своей постели и думал о ней.

Это было похоже на сумасшествие.

Кто знает, может, это и закончилось бы лечебницей для душевнобольных, но пришла война.

Глава 1

Лондон, июль 1814 года

Шарлотта поняла, что вечер удался, когда Уильям перестал следить за тем, достаточно ли она ест.

Поначалу он то и дело пододвигал к ней блюдо, спрашивал, не душно ли, и с такой тревогой поглядывал на друга, словно от Александра зависело окончательное одобрение их брака. Это было смешно. И немного обидно. Сама она одобрила этот брак гораздо раньше, хотя согласилась выйти за него только после третьего предложения.

В первый раз он застал её врасплох. Во второй она решила, что он жалеет её. В третий Уильям рассердился и спросил, сколько ещё ему придётся выдумывать способов объяснить самую простую вещь на свете.

Тогда она наконец поверила.

Теперь их гость сидел напротив, говорил о лошадях, умудряясь делать эту беседу занимательной даже для неё, и время от времени улыбался. У него были очень красивые руки. Шарлотта заметила это, когда он разрезал для неё грушу, – спокойно, одним движением, словно никогда и ничего не делал неловко.

– Не доверяйте ему, – сказал Уильям. – Он утверждает,

что я продал лучшую лошадь в Англии.

– В Гемпшире, – поправил Александр. – Насчёт всей Англии я не уверен.

– Я на ней падал.

– Именно поэтому она и была хороша.

Шарлотта засмеялась прежде, чем успела подумать, прилично ли ей смеяться над собственным мужем. Уильям посмотрел на неё с притворным укором, а потом сам рассмеялся и перестал тревожиться о жарком.

После ужина она играла. Крышка фортепиано ещё пахла полировкой; инструмент привезли неделю назад, и она до сих пор иногда проводила ладонью по его тёмному боку, проверяя, что он действительно здесь. В доме миссис Харкорт играть разрешалось, если это никому не мешало. Здесь Уильям спрашивал, почему она не играет.

Разница была почти неприлично велика.

Александр стоял у окна. Шарлотта видела в стекле его отражение и ошиблась в знакомом месте – там, где левая рука должна была повторить ту же фразу тише.

– Простите, – сказала она.

– Мне? – удивился он.

– Я сыграла неверно.

– Боюсь, я этого не заметил. Продолжайте, прошу вас.

Он произнёс это очень учтиво, но отошёл от окна и принялся рассматривать миниатюру на каминной полке. Вероятно, музыка интересовала его меньше, чем разговор. Шар-

лотта испытала короткое разочарование. Ей хотелось понравиться другу мужа; Уильям так много о нём говорил.

За картами разочарование прошло. Уильям позвал соседа занять четвёртое место, и тот присоединился с удовольствием человека, которому не терпится показать, как хорошо он умеет проигрывать. Александр проигрывал с тем же весельем, с каким выигрывал, а когда вошёл слуга с подносом, сам отодвинул свечу от его рукава. Он сделал это машинально, продолжая объяснять Уильяму, почему тот только что спас ему всю игру. Шарлотта почему–то запомнила это движение лучше удачных шуток.

Ещё он почти не смотрел на неё.

Нельзя было назвать его невнимательным. Он подавал ей карты, спрашивал, не утомилась ли она, один раз поднял упавший веер. Но всё происходило быстро, с лёгкой улыбкой; она не успевала решить, что ответить, а разговор уже продолжался между мужчинами. Казалось, он оставлял возле неё ровно столько места, сколько требовала учтивость.

Шарлотте было трудно представить его одного. За ним словно тянулся целый город, полный знакомств и развлечений. Их маленькая гостиная едва могла задержать такого человека на вечер.

Когда он уехал, Уильям закрыл дверь и вернулся к ней, потирая ладони.

– Ну?

– Что – ну?

– Ты его вынесла?

– С большим трудом. Особенно когда он сказал, что твоя лошадь была умнее тебя.

– Это он ещё был сдержан. – Уильям сел рядом и вытянул ноги. – Он тебе понравился?

Она задумалась. Уильям ждал с той открытостью, с какой дети ждут похвалы своему лучшему другу.

– Да. Только я не знаю, понравились ли ему мы.

– Почему?

– Не знаю. Он ведь привык совсем к другому.

– К чему же?

Шарлотта провела пальцем по рисунку на обивке. Теперь, когда гость ушёл, комната вернула привычные размеры. Вот здесь утром Уильям зацепился сапогом за ковёр; вот этот подсвечник они купили вместе, и он уверял, что продавец просит вдвое больше только потому, что она слишком восторженно на него смотрит. Вещи принадлежали им и ничего от них не требовали.

– К более занимательным вечерам, полагаю.

Уильям рассмеялся.

– Уверяю тебя, занимательнее проигрывать моей жене ему приходится не так уж часто. Хотя женщин, конечно, вокруг него всегда достаточно.

– Вот как?

Он не заметил, что голос её изменился.

– О, ты даже не представляешь. Есть люди, которым всё

это достаётся без малейшего труда. Женщина ещё не решила, какое мнение о нём составить, а уже поправляет ленту. И ведь никогда не знаешь, что он ей сказал. Возможно, только спросил дорогу.

Уильям говорил с добродушным удовольствием. Шарлотта почувствовала внезапное раздражение, довольно несоразмерное причине.

– Как удобно, должно быть.

Он повернулся к ней.

– Что?

– Когда достаточно спросить дорогу.

– У тебя такой вид, словно ты осуждаешь весь дорожный надзор королевства.

Она не улыбнулась.

– Ты говоришь так, будто завидуешь.

Веселье сошло с его лица. Некоторое время он смотрел на неё, а она жалела, что вообще открыла рот. Ещё недавно они сидели так хорошо.

– Его свободе? – спросил Уильям наконец.

Шарлотта пожала плечами.

– И всем этим женщинам, которым нужно сказать всего два слова.

Он взял её руку. Она позволила, хотя отворачиваться ещё не перестала.

– Помнишь, ты предложила мне хорошенько подумать?

– Помню.

– Я три недели думал, как заставить тебя перестать думать за меня.

– Уильям.

– Да, я знаю. Ты была уверена, что я всё испорчу, поссорюсь с тёткой, лишусь её доброго мнения, а потом обнаружу, что женился на девушке без гроша. – Он коснулся губами её пальцев. – Ни одного неожиданного обстоятельства. Всё так и случилось.

Она всё–таки рассмеялась, и он сжал её руку крепче.

– Шарлотта, мне нравится возвращаться домой. Нравится знать, что ты здесь, даже когда сердишься на человека, который ещё ничего не успел натворить. Я этого хотел. Именно этого. И когда спорил с тёткой, и когда просил тебя выйти за меня. Александр устроен иначе. Это не мешает ему быть моим другом. Но мне совершенно незачем жить его жизнью.

В голосе Уильяма было столько спокойной уверенности, что её раздражение вдруг показалось ей почти постыдным. Она придвинулась и положила голову ему на плечо.

– Я глупо себя веду.

– Это ненадолго. Обычно глупо веду себя я, и тебе придётся уступить мне привычное занятие.

Она сидела, чувствуя сквозь ткань тепло его руки. За окном проехала карета. Внизу слуга запирал двери; от стола ещё пахло разрезанной грушей. Всё было настолько обыкновенно, что Шарлотта испытала почти болезненную нежность.

Ей хотелось сохранить эту минуту. Только она не знала, как сохраняют минуты, и потому просто попросила:

– Давай завтра никуда не пойдём.

– Ты уже составила обо мне превратное мнение. Я способен весь день просидеть дома.

– Я хочу убедиться.

Он поцеловал её у виска и сказал, что подобная проверка его вполне устраивает.

Позже, убирая карты, Шарлотта нашла на ковре перчатку Александра. Тонкая кожа была мягкой, ещё сохранявшей форму чужой руки. Она положила перчатку на стол в передней и забыла о ней почти сразу.

Уильям ждал наверху.

Глава 2

В театр они выбрались в августе. Уильям заранее объявил, что спектакль посредственный, зато публика должна оказаться великолепной. Шарлотта спросила, зачем тогда сидеть лицом к сцене, и муж с удовольствием пересказал эту фразу Александру.

Тот улыбнулся. Шарлотта поняла, что опять старается угадать, достаточно ли ему весело.

В ложе было теснее, чем она ожидала. Уильям отдал ей лучшее место, потом долго спорил с приятелем, какое из оставшихся хуже. В споре не было никакой необходимости; оба знали, кто в конце концов сядет ближе к двери. Шарлотта слушала и чувствовала знакомую, немного завистливую нежность к мужской дружбе, которая успела обзавестись привычками задолго до её появления.

Александр замечал всё. Плохо закреплённую ленту на соседней шторе, человека, пытавшегося незаметно опуститься на чужое место, даму, демонстративно не смотревшую на знакомую. Он говорил об этом так, что Шарлотта смеялась, не чувствуя себя злой.

Потом к ним заглянул приятель Уильяма, и Александр мгновенно переменил разговор. Человек был взволнован, жаловался на какое–то семейное дело. Вместо шутки получил несколько спокойных вопросов, и Шарлотта впервые

увидела, как легко её блистательный знакомый умеет стать серьёзным, не привлекая к этому внимания.

Спектакль действительно оказался не особенно хорош. Уильям уснул бы, если бы не считал своим долгом возмущаться каждой неудачной репликой. Шарлотта однажды прикрыла его руку своей, прося помолчать. Он немедленно перевернул ладонь и сжал ей пальцы.

Александр увидел это движение краем глаза.

Ему пришлось довольно долго смотреть на сцену. Там люди страдали с такой громкостью, что собственное молчание показалось почти неприличным. Актёр объявил, что не переживёт разлуки, и Александр ощутил внезапное желание посоветовать ему попробовать.

В антракте Шарлотта встала, чтобы поправить шаль. Уильям вышел к знакомому, обещав вернуться через минуту. Александр остался возле двери, достаточно далеко, чтобы ей не пришлось отодвигаться.

– Вам не нравится? – спросила она.

Он поднял голову.

– Спектакль?

– Вы совсем перестали смеяться.

На мгновение он растерялся. Она заметила. Только это и следовало удержать в памяти; вместо этого он уже искал ответ, который ничего не выдаст.

– Я опасался, что мои замечания мешают вам следить за происходящим.

– На сцене всё объясняют по нескольку раз. Я успеваю.

Он рассмеялся. Шарлотта улыбнулась с тихим удовлетворением: наконец удалось сказать что–то, не заимствовав у мужа его лёгкость.

– Вам нравится театр? – спросил Александр.

– Пока я ещё выясняю. Прежде бывала редко.

– Тогда не делайте выводов по сегодняшнему вечеру.

– Разве это плохой вечер?

Вопрос был простым и совершенно искренним. Александр посмотрел на неё. Она стояла возле кресла, молодая, довольная, с едва заметным следом смеха на губах. Ей нравился

город, муж, возможность прийти сюда без предварительного отчёта тётке. Он вдруг понял, что её счастье не предназначено никого ранить. Просто существует.

– Нет, – ответил он. – Хороший.

Уильям вернулся с новостью, которую уже забывал по мере рассказа. Сел рядом с женой, спросил, не холодно ли, и получил от неё взгляд, заставивший замолчать с виноватой улыбкой.

Александр отодвинулся ещё немного.

После спектакля долго ждали карету. В проходе толпились люди, пахло мокрыми плащами, духами и уличной пылью. Шарлотта стояла возле Уильяма, придерживая подол, и смотрела, как Александр разговаривает с какой–то женщиной. Та сказала всего несколько слов, но успела улыбнуться

дважды, прежде чем спутник увёл её дальше.

Шарлотта вспомнила рассказ мужа. Ей стало немного смешно от собственной прежней сердитости. Перед нею был человек, которому такая жизнь, вероятно, действительно подходила. Она не могла представить его в их маленькой гостиной утром, за неубранным столом, с поисками потерянной запонки и необходимостью обсуждать цену угля.

Уильям мог всё это делать, оставаясь любимым. Александр словно требовал другого освещения.

Он повернулся и заметил, что она подняла плечи от холода. Молча подошёл, придержал край шали, давая ей удобнее завернуться. Почти не коснулся.

– Вы продрогли.

– Немного.

– Карета уже здесь.

Он помог ей подняться. Уильям сел рядом, продолжая спорить с отсутствующим актёром. Александр стоял внизу, и Шарлотта вдруг почувствовала, что он опять останется снаружи, в своём отдельном городе.

– Поедемте с нами, – предложила она. – Можно ещё выпить чаю.

Александр поднял глаза. Одного мгновения оказалось достаточно, чтобы Уильям успел повторить приглашение громче.

– Да, разумеется. У нас осталось что–то от ужина. Шарлотта уверяет, что без тебя я начну бесконечно жаловаться

на спектакль.

Он мог согласиться. Остаться ещё на час, услышать её голос в тёплой комнате, потом уехать и снова до утра не уснуть. Прежде он уже не раз выбирал именно так.

– Сегодня не могу, – сказал Александр. – Дал обещание.

Шарлотта кивнула, не спрашивая кому. Она не имела привычки расспрашивать чужих мужчин об их вечерних планах. Уильям пошутил, пожелал удачи, и карета тронулась.

Александр ещё некоторое время смотрел ей вслед. Обещание было выдумано. За весь вечер это оказалось единственной ложью, о которой он не пожалел.

Дома Саттон спросил, подать ли ужин. Александр отказался. Потом передумал и попросил чай.

Камердинер принёс одну чашку. Александр посмотрел на неё, на пустое кресло напротив и вдруг ясно понял, почему весь вечер казался ему одновременно хорошим и невыносимым.

Глава 3

Март 1815 года

– Если вы ещё раз затянете этот ремень, Саттон, мне придётся отправиться на войну без лёгких.

Камердинер освободил пряжку на одно отверстие.

– Тогда вам лучше не наклоняться за вещами, сэр.

– Утешительное начало кампании.

– Вы просили, чтобы ничего не болталось.

Александр посмотрел на него в зеркало. Саттон стоял позади с таким видом, словно точность хозяйского пожелания совершенно освобождала его от ответственности за последствия. Обычно это забавляло. Сегодня хотелось сорвать с себя всё, что только что застегнули.

На столике лежало письмо матери. Она просила сообщить день приезда. Письмо пришло до известий из Франции; теперь ответ следовало писать совсем другой. Он уже начал дважды, и оба раза получалось, что больше всего его тревожит состояние дороги. Маргарет едва ли нуждалась в столь подробном описании дорог.

Ему следовало съездить к ней зимой. Было время, были лошади, были сотни достаточно уважительных предлогов покинуть Лондон. Он даже собирался. Потом Харкорт при-

гласил его на обед, и все разумные намерения рассыпались от одной мысли, что Шарлотта встретит его в передней.

Теперь он был почти рад отъезду.

Почти.

Из гостиной донёсся голос Уильяма, и Александр поспешно перевернул письмо.

– Наконец–то, – сказал он, входя. – Я уже решил, что ты останешься надзирать за миром из собственного кресла.

– Моё кресло не хуже твоего.

– У твоего жена. Оно опасно привлекательно.

Шутка прозвучала слишком близко к правде. Александр подошёл к графину, хотя пить ему не хотелось.

Уильям снял перчатки. За последние месяцы он немного изменился. Раньше его лицо казалось Александру постоянно открытым навстречу следующей забаве; теперь в нём появилось довольное спокойствие человека, которому есть куда вернуться. Это следовало бы радовать. Иногда радовало так искренне, что становилось ещё хуже.

– Она сердится? – спросил Александр.

– На Бонапарта. Справедливо, по–моему.

– Передай ему при случае.

Уильям улыбнулся и сел. В кармане его сюртука зашуршала бумага.

– Ты опять носишь с собой домашние распоряжения?

– Адрес торговца нотами. Обещал зайти.

– До войны или после?

– Не будь ослом.

В ответе не было сердитости, но Александр вдруг почувствовал себя именно ослом. На Уильяма жена не произвела впечатления хрупкой драгоценности, которой следует любоваться издали. Он покупал ей ноты, спорил из–за цены подсвечников, знал, каким образом она сердится на Бонапарта. Всё это было дано ему так просто, что Александр порой не мог выдержать обыкновенного разговора.

– Ноты я могу послать сам, – сказал он.

– Я успею. Я пришёл спросить, что ты думаешь о Грейвсе. Он обещает приглядеть за домом, если понадобится.

Они заговорили о счетах, об арендной плате, об упряжи, которую следовало продать, и о деньгах, оставленных на непредвиденные расходы. Александр слушал внимательно. Рядом с Уильямом было удивительно легко вернуться к тому состоянию дружбы, в котором ничего не приходилось прятать. Стоило не произносить её имени.

– А бумаги ты привёл в порядок? – спросил он наконец.

– Какие бумаги?

– Всё, что люди приводят в порядок перед отъездом.

– Ты говоришь как мой поверенный.

– Возможно, он прав чаще тебя.

Уильям откинулся на спинку кресла.

– Там нечего приводить. Тёткин стряпчий хранит всё, что касается дедовых распоряжений. Если я начну в них разбираться, отъезд придётся отложить до следующего мира.

– Я говорил о твоих собственных распоряжениях.

– Я вернусь и распоряжусь самым решительным образом. Например, мы перестанем отдавать столько денег за лондонский дом.

Александр хотел возразить, но Уильям уже наклонился, чтобы поднять перчатку, и с прежней мальчишеской серьёзностью добавил:

– Ты же понимаешь, я только начал жить.

Эти слова закрыли разговор лучше любого возражения.

Они ещё немного спорили о лошадях. Уильям рассказывал, как Шарлотта однажды назвала его жеребца несчастным созданием, потому что тому пришлось выслушивать столько противоречивых советов. Александр смеялся. Он умел смеяться в нужных местах даже тогда, когда хотелось выйти из комнаты.

Провожая друга, он удержал его у двери.

– Харкорт.

– Что?

– Всё–таки напиши поверенному.

– Напишу. Сегодня вечером. Или завтра с утра, если Шарлотта не займёт весь стол своими нотами.

Он сказал это так ласково, что Александр отпустил его рукав.

Вечером пришло короткое приглашение на ужин. Внизу, под уверенной рукой Уильяма, было приписано: «Я приготовлю для вас победу в вист. Ш. Х.»

Александр прочёл эти две строки несколько раз. Потом вызвал Саттона и велел передать, что не сможет прийти.

– Скажите, что у меня дела.

Камердинер посмотрел на уже уложенные вещи.

– Какие именно, сэр?

– Невыносимо важные.

– Разумеется.

Когда дверь закрылась, Александр сел за стол. Он наконец написал матери. Сообщил о возможном отъезде, попросил не волноваться прежде, чем получит от него прямой повод, и обещал писать при каждой возможности. Последнее было легко обещать, пока ещё никто не помешал взять бумагу.

Письмо Шарлотты оставалось под левой рукой. Это не было письмом; смешно было бы называть письмом приписку на приглашении мужа. Он всё равно старательно огибал её локтем.

В конце своего ответа матери Александр вдруг спросил, исправно ли топят комнаты в восточной части дома. Зачем ему это понадобилось, он и сам не знал. Брэмли существовал где–то за пределами настоящей жизни: управляющий присылал цифры, мать – просьбы приехать, крыша иногда требовала денег. Он давно привык считать всё это достаточно надёжным, чтобы не думать.

На следующий день пришлось ехать к Харкорту за забытыми бумагами. Шарлотта стояла у стола, связывая лентой небольшую пачку писем.

– Вы всё–таки приехали, – сказала она.

Он поклонился.

– Надеюсь, ваша вчерашняя победа не пострадала от моего отсутствия.

– Мы вовсе не играли.

Она улыбнулась, но усталость под глазами не исчезла. Александр почувствовал мучительное желание спросить, спала ли она. Вопрос был слишком домашним. Он спросил об Уильяме.

– Сейчас спустится. Он снова что–то ищет.

На столе лежали мужские перчатки. Одну она только что зашивала: возле большого пальца торчала оставленная игла. Александр смотрел на неё с таким чувством, словно застал что–то запретное.

– Вы ведь будете вместе? – спросила Шарлотта.

– По возможности.

– Я знаю, что это глупый вопрос. Вы не можете обещать.

Он поднял голову. Она больше не улыбалась.

– Я постараюсь, – сказал он.

– Спасибо.

Так мало стоило ей это слово. Он едва не попросил произнести его ещё раз, с какой–нибудь самой ничтожной причиной. Вместо этого отошёл к окну и начал расспрашивать о нотах.

Уильям сбежал вниз, держа шляпу так, будто она была главным виновником опоздания. Поцеловал жену, забрал бу-

маги, забыл перчатки. Она догнала его в передней.

– Возвращайся, – сказала Шарлотта очень тихо.

Александр отвернулся. Миг спустя Уильям хлопнул его по плечу, и он пошёл следом, с облегчением переступая порог чужого дома.

На улице он впервые за долгое время глубоко вдохнул. Казалось, воздух в Лондоне вдруг стал холоднее.

Глава 4

Окрестности Ватерлоо, ночь с 18 на 19 июня 1815 года

Уильяма нашли уже после того, как Александр перестал различать отдельные лица.

Кто–то всё время хотел от него ответа: где его лошадь, может ли он идти, понимает ли, что ему говорят. Он понимал. Просто отвечать было трудно. Под левой лопаткой будто лежал раскалённый камень, и всякое движение сдвигало его глубже. Александр помнил, что надо найти Харкорта, но всякий, кого он спрашивал, оказывался занят другим человеком.

Только к ночи ему сказали: здесь, за перегородкой, возле стены.

Уильям лежал на чужом плаще. Александру сразу стало не по себе от того, как аккуратно его уложили. После целого дня беспорядка, криков, лошадиного ржания и бесполезных попыток хоть что–нибудь привести в соответствие с приказами эта неподвижная аккуратность выглядела дурным знаком.

– Харкорт.

Уильям повернул голову.

– Ты долго.

Александр попытался опуститься рядом и едва не упал. Кто–то поддержал его за здоровое плечо, подсунул ящик. На мгновение он закрыл глаза. Когда открыл, Уильям смотрел на перевязь с таким вниманием, словно его собственное положение не заслуживало обсуждения.

– Скверно?

– Прекрасно. Мне больше не придётся поднимать тяжёлые вещи.

– Ты их и прежде не поднимал.

– Старался скрывать от начальства.

Они улыбнулись. Улыбка стоила Уильяму слишком большого труда, и Александр больше не стал шутить.

Из соседней комнаты доносился стук. Как будто кто–то неловко работал молотком. В воздухе смешались запах мокрой шерсти, дыма и уксуса; от последнего Александру становилось дурно. Уильям приподнял пальцы над плащом.

– Воды.

Александр взял кружку. Здоровая рука дрожала, и он держал её обеими, пока не понял, что делает себе больно. Уильям пил маленькими глотками, сердясь на собственную слабость. Александр узнал это сердитое движение бровей. Именно так друг смотрел на заевший замок своего дорожного сундука.

– Вид у тебя, – сказал Уильям, – будто ты уже решил, ка-

кие цветы принести.

– Я никогда не разбирался в цветах.

– Хорошо.

Последнее слово было едва слышно.

Врач подошёл сам. Александр встал навстречу, надеясь, что наконец появится дело, которое можно выполнить: принести, заплатить, уступить место, найти ещё одного человека. Врач взглянул на него, потом на Уильяма, и тихо велел не давать тому много пить сразу.

– А дальше?

– Сядьте возле него.

Александр ещё некоторое время стоял. Врач не отвёл глаз. Пришлось сесть.

Уильям понял быстрее него. Или давно уже всё знал и только ждал, когда Александр перестанет делать вид, что существует какое–то другое занятие.

– Мне надо сказать тебе одну вещь.

– Скажешь утром.

– Ты всегда так разговариваешь, когда знаешь, что не прав?

Снаружи кто–то окликнул товарища. Голос был удивительно обыкновенный. Александр ненавидел этого человека за способность произнести имя так, будто завтра оставалось несомненным.

– Говори, – сказал он.

Уильям долго собирался с силами. Александр боялся до-

гадаться раньше времени, чего от него хотят.

– Шарлотта.

Он всё–таки догадался.

– Я напишу ей. Я сам съезжу к ней, как только смогу.

– Знаю. Но этого мало.

Уильям задышал чаще. Александр хотел позвать врача, но друг поймал край его рукава.

– Я ведь забрал её оттуда. Сказал, что ей больше никогда не придётся просить. Что я обо всём позабочусь.

– Она знает, что ты её любишь.

– Любви мало, если нечем заплатить за уголь.

Эта совершенно чужая Уильяму фраза ужаснула Александра сильнее всего сказанного прежде. Друг, который обещал завтра разобраться с бумагами, теперь с трудом выговаривал слово «уголь» и был прав.

– У неё будут деньги, – сказал Александр.

– Тётка не пустит её обратно. А если пустит... – Он не закончил. – Я ничего не сделал. Всё собирался. Казалось, зачем спешить?

Александр ощутил короткую злость – на него, на себя, на забытые бумаги, оставшиеся за сотни миль от этой комнаты. Злость прошла почти сразу, оставив беспомощность.

– Посмотри на меня, Харкорт. Я не дам её обидеть.

– Женись на ней.

Он сказал это так тихо, что Александр мог бы притвориться, будто не расслышал.

– Ты не понимаешь, что говоришь.

– Понимаю.

– Она сама решит.

– Предложи ей. Когда кончится траур. Будь рядом. Ты ведь... – Уильям зажмурился. – Господи, я не настолько слеп.

Александр перестал чувствовать боль в плече.

Он смотрел на друга, на засохшую грязь возле виска, на губы, которые всё время приходилось смачивать, и не мог подобрать ни одного честного слова. Всё, в чём он считал себя одиноким, непристойно обнажилось здесь, между кружкой и чужим плащом.

– Ничего не было, – сказал он наконец.

– Знаю.

– Я никогда...

– Знаю, Александр.

Уильям произнёс его имя с нетерпеливой лаской, словно разговаривал с мальчишкой, который напрасно оправдывается за разбитое окно.

– Ты был хорошим другом. И ей можешь быть... хорошим мужем.

Александр покачал головой. Это движение вышло резким, почти сердитым.

– Ты говоришь о собственной жене.

– Именно поэтому.

Некоторое время они молчали. Уильям отпустил рукав и положил руку на грудь. Казалось, она стала ему тяжела.

– Я думал, буду ревновать, – сказал он. – Если когда–нибудь... Знаешь, раньше такие мысли приходят только по глупости. Теперь не ревную. Мне страшно за неё. Ты понимаешь?

Александр понимал. И от этого было хуже, чем от любого обвинения.

– Пообещай.

– Я позабочусь о ней.

– Пообещай всё.

Уильям смотрел на него с мучительным упрямством живого человека, которому предстояло сейчас потерять возможность на чём–нибудь настаивать. Александр вдруг подумал, что можно отказать. Встать, привести врача, снова заговорить о воде. Не дать этому последнему разговору стать чем–то, с чем придётся жить.

Но друг ждал.

– Я предложу ей стать моей женой, – сказал Александр. – Когда придёт время. Если она согласится, я женюсь на ней.

Уильям закрыл глаза.

– Поклянись.

Он поклялся.

После этого Уильям некоторое время дремал. Александр сидел, всё ещё держа кружку, хотя в ней почти не осталось воды. Хотелось поставить её, но тогда обе руки оказались бы пустыми, и это почему–то было невыносимо.

Друг ещё просыпался. Просил сказать Шарлотте, что ему

не было страшно; потом сам поправился: не говорить глупостей, она всё равно догадается. Вспомнил, что не послал ноты. Александр ответил, что пошлёт. Уильям кивнул с облегчением, будто это было важнее всего остального.

Под утро он перестал отвечать.

Александр остался рядом, пока чужой человек не коснулся его плеча. Тогда боль вернулась целиком. Он с удивлением обнаружил, что стоять сам не может.

В кармане у Уильяма нашлось письмо. Бумага промокла, но подпись ещё читалась. Александр не стал разворачивать лист до конца. Увидел только нижнюю строку: «Я жду тебя. Ш.»

Он попросил чистый конверт.

Когда его увели в другую комнату, кружка всё ещё была у него в руке.

Глава 5

Лондон, июль 1815 года

В доме слишком хорошо слышали улицу.

Прежде Шарлотта не замечала, сколько раз за день проезжают под окнами телеги, как кричит мальчишка с газетами, как долго соседская горничная разговаривает у двери. Теперь всякий звук требовал объяснения. Кто–то шёл по ступеням – она поднимала голову. Скрипел пол в передней – она ждала. Даже когда уже знала.

Пруденс перестала говорить «показалось». Она просто входила и спрашивала, не нужно ли чего–нибудь.

Нужно было, чтобы всё это оказалось ошибкой. Вместо этого принесли чёрное платье.

Шарлотта смотрела, как горничная распарывает старую подкладку. На столе лежали обрезки, коробочка с булавками и письмо миссис Харкорт. Тётка писала разборчивым почерком, не позволяя горю повредить ни одной букве. Следовало покориться воле Провидения, вспомнить обязанности христианки и сообщить, какие распоряжения Уильям оставил относительно дома.

Распоряжений он не оставил. На второй странице тётка об этом уже знала.

– Вам тесно в плечах? – спросила Пруденс.

– Нет.

– Тогда не поднимайте руки. Я ещё не закрепила.

Шарлотта опустила их. Она легко выполняла небольшие просьбы: повернуться, постоять спокойно, выпить воды. Большие – понять, смириться, подумать о будущем – казались произнесёнными на незнакомом языке.

Ей привезли его вещи. Не все сразу. Сначала письмо и часы, потом небольшой сундук, из которого вынули сорочку, помнившую форму его плеч. Шарлотта сложила её обратно. Пруденс не спросила почему.

Хуже всего было, что вещи продолжали существовать. Пуговица оторвалась, и её можно было пришить. На сапоге осталась царапина. В кармане сюртука нашлась записка с адресом торговца нотами, и Шарлотта долго сидела с этим клочком бумаги, пытаясь представить минуту, в которую он положил его туда.

Всё случилось до.

Она начала так считать, не желая того. Чашка куплена до. Платье сшито до. Последний раз они ели в этой комнате до. Даже солнце, падавшее поперёк ковра, будто знало другое время и по ошибке продолжало приходить в прежнее.

Поверенный Уильяма явился в четверг. Вежливый человек с покрасневшими от жары веками держал шляпу на коленях и выбирал слова так тщательно, что она сначала ничего не поняла.

– Но деньги были, – сказала Шарлотта.

– Доход, миссис Харкорт. Ваш супруг получал доход согласно распоряжениям своего деда.

– Он говорил, что не зависит от тётки.

– Совершенно верно. Пожизненные выплаты не зависели от воли миссис Харкорт. Однако смерть получателя прекращает их.

Человек выждал, давая ей возможность задать вопрос. Она не знала, какой вопрос задают, когда само слово «пожизненные» вдруг обнаруживает свой полный смысл.

– А дом?

– Снят. Договор ещё действует, но в дальнейшем...

Он объяснял. Шарлотта слушала про личное имущество, расходы, ожидаемые поступления. Ей причиталась доля того, что останется после расчётов. Никто не собирался отнять у неё платья или часы Уильяма. Это почему–то было оговорено с особой деликатностью. Упомянул и прошение о содержании для офицерской вдовы: бумаги ещё предстояло собрать, решение не зависело от него. Даже благоприятный ответ не позволил бы сохранить этот дом.

– Вы говорите так, словно я уже спорю с вами, – заметила она.

Поверенный покраснел.

– Простите. Я хотел избавить вас от излишних опасений.

У неё не было излишних опасений. Были совершенно необходимые, и до этой минуты она почти ни об одном не

думала.

Когда он ушёл, Шарлотта открыла шкаф и посмотрела на свои платья. Впервые за всё время захотелось плакать от злости. Она была одета, накормлена, сидела в хорошей комнате; кто–то говорил ей, что заботится об её правах. А Уильяма всё равно не было, и теперь даже горевать приходилось с оглядкой на срок договора.

Пруденс нашла её возле шкафа.

– Что вам подать, мэм?

– Ничего. Я только смотрю.

Она закрыла дверцу так осторожно, словно за ней кто–то спал.

На следующий день пришло письмо Александра. Он писал из Англии, куда его отправили после ранения. Почерк был непривычно крупный и неровный. Шарлотта сперва подумала, что он плохо владеет пером, и только потом поняла, какой рукой он мог писать.

Он сообщал немногое. Уильям был с ним до конца. Помнил о ней. Просил передать ей его любовь. Александр готов приехать, как только состояние позволит перенести дорогу, и будет признателен, если до того времени она позволит обратиться к её поверенному по вопросам, которые утомительно решать самой.

Внизу стояло: «Не отвечайте из учтивости. Я понимаю, что вам сейчас трудно писать».

Шарлотта перечитала эту строку. Все остальные требова-

ли ответа. Тётка, поверенный, жена полкового знакомого, приславшая три страницы о смирении. Даже торговец спрашивал, доставить ли заказанные ноты.

Она взяла бумагу.

Сначала хотела попросить рассказать всё. Потом поняла, что не вынесет ответа. Написала только, что благодарна ему и надеется, что он поправляется. Подумала и добавила: «Не торопитесь с дорогой ради меня».

Пруденс принесла свечу для сургуча. На мгновение пламя качнулось, и Шарлотта вспомнила, как Александр отодвинул свечу от рукава слуги. Воспоминание было совершенно ненужным. Она удивилась, что оно сохранилось.

– Вы его видели? – спросила она.

– Кого, мэм?

– Мистера Эшфорда. Когда он приходил к нам.

– Конечно.

– Он всегда был таким... внимательным?

Пруденс не сразу ответила.

– Он замечал, если что–нибудь мешало. Это удобно в госте.

Шарлотта посмотрела на неё, ожидая продолжения, но горничная уже убирала ножницы. Ей хотелось узнать про него что–нибудь, не связанное со смертью Уильяма. И от этого желания стало стыдно.

Вечером она сама спустилась в гостиную. Села возле закрытого фортепиано и некоторое время держала руки на

крышке. Играть было невозможно: музыка потребовала бы вспомнить, как она здесь сидела прежде, как Уильям из соседней комнаты просил повторить, как иногда мешал ей сосредоточиться одним своим появлением в дверях.

Она убрала руки.

Письмо Александра лежало рядом. Шарлотта сложила его, потом снова развернула и прочла последнюю строку.

Впервые за день от неё ничего не требовалось.

Глава 6

Ноябрь 1815 года

Саттон затягивал галстук уже в третий раз, и Александр не имел ни малейшего основания быть им недовольным.

Ткань лежала ровно. Узел не мешал. Рукав сюртука достаточно свободно скользнул поверх ещё тугого плеча. В зеркале отражался человек, вполне годный для визита, если только от визита не требовалось невозможного.

– Вы можете перестать, – сказал Александр.

– Я уже закончил, сэр.

Он встал слишком быстро. Плечо немедленно напомнило, что несколько месяцев терпения не делают человека разумным. Саттон молча подал ему перчатки.

На улице шёл мелкий, почти невидимый дождь. Александр давно научился отличать лондонский дождь от всего, что называли дождём в походе. Этот был устроен для людей, которым есть где обсушиться. Ему вдруг стало стыдно за такую мысль.

Дверь открыла Пруденс. Прежде она только принимала у него шляпу; теперь задержала взгляд на его левой руке и сказала, что хозяйка ждёт в маленькой гостиной. Тот же дом, та же лестница. Отсутствие одного человека изменило даже

время, которое требовалось подняться.

Шарлотта встала ему навстречу.

Первой его мыслью было: слишком худая. Вторая пришла почти одновременно и была хуже: даже сейчас он хотел дотронуться до неё. Он ненавидел себя за то, что обе мысли могли существовать вместе.

– Не вставайте, – сказал Александр, опоздав.

Она села. На коленях у неё лежало шитьё, такое маленькое, что едва ли могло быть настоящим занятием. В комнате было прохладно.

– Вы уже поправились?

– Достаточно, чтобы перестать обсуждать это с врачами.

Шарлотта едва заметно улыбнулась. Он испытал глупое облегчение, словно сделал что–то полезное.

– Я получила ваше письмо, – сказала она.

– Я получил ваше.

Они замолчали. Прежде за них всегда находил слова Уильям. Александр сел напротив, впервые ощутив меру этой утраты в самом простом действии: теперь никто не мог помочь им начать разговор.

– Простите, что так долго не приезжал.

– Я просила вас не торопиться.

– Это всё–таки не одно и то же.

Она опустила глаза на шитьё.

– Я не знала, чего хочу. Иногда думала, что должна вас увидеть. Потом боялась.

Александр поставил шляпу на край соседнего стула. Это было нелепо: шляпу следовало оставить в передней, и Пруденс наверняка предложила её взять. Он даже не помнил, как отказался.

– Вы можете спросить меня о чём угодно, – сказал он.

Шарлотта посмотрела на него.

– Вы были с ним?

Он кивнул.

– Долго?

– До утра.

Пальцы её остановились. Игла осталась над тканью.

– Он знал?

У Александра пересохло во рту. Можно было солгать, прибегнуть к тому обыкновенному милосердию, которому уже не суждено быть разоблачённым. Но Уильям просил не говорить глупостей.

– Некоторое время, – ответил он.

Она смотрела на него, не моргая, и он добавил:

– Он думал о вас. Ему хотелось знать, что вы будете в безопасности. Я обещал ему помочь вам.

Это была правда. Вся остальная правда оставалась за ней, как закрытая дверь за спиной.

– Он всё время боялся, что я вернусь к прежней жизни, – сказала Шарлотта. – Даже когда мы только поженились. Я не понимала зачем. Мне казалось, это уже невозможно.

Александр хотел произнести что–нибудь о том, что теперь

этого не случится. Но она ещё не закончила.

– Он спрашивал, привыкла ли я. К дому. К тому, что могу сама выбирать. Я смеялась. Теперь думаю, надо было отвечать серьёзнее.

– Он знал, что вы счастливы.

– Вы уверены?

– Да.

Она вдруг закрыла лицо ладонью. Александр так и остался сидеть, сжимая перчатки. Ничего нельзя было поправить, придвинуть, отнести в починку. Хотелось обнять её, а он даже не знал, будет ли для неё это утешением или новой тяжестью.

Когда Шарлотта убрала руку, он подал ей платок. Она приняла его, не подумав, чей он.

Они долго сидели почти молча. Пруденс принесла чай, налила в чашки, заметила, что огонь в камине осел. Александр поднялся, чтобы поправить уголь, и неудачно повернулся. Шарлотта заметила.

– Оставьте. Пруденс сейчас позовёт кого–нибудь.

– Я в состоянии поднять кочергу.

– Конечно. Но вы не обязаны доказывать это мне.

Он сел. В её голосе на мгновение появилась прежняя твёрдость, почти забытая за чёрным платьем и опущенными глазами. Александр вдруг понял, что не знает эту женщину даже настолько, чтобы предугадать её простейшее возражение.

Чай был слишком крепким. Он выпил его, ничего не за-

метив.

Перед уходом спросил, может ли помочь с делами поверенного. Шарлотта ответила, что тот добр, но всё объясняет так медленно, будто она ослепла.

– Я могу попросить его говорить быстрее.

– Пожалуйста, не надо. Он начнёт ещё и извиняться.

Александр улыбнулся. Она тоже – устало, но уже по–настоящему. Он запомнил это с жадностью человека, которому нечего больше унести.

У двери Шарлотта вернула ему платок.

– Простите. Я испортила его.

– Он для этого и предназначен.

– Всё равно.

Он взял платок так осторожно, что она могла заметить. К счастью, не заметила: Пруденс принесла оставленную в гостиной шляпу.

В карете Александр долго не надевал перчаток. На ладони лежал маленький белый комок ткани. Он понимал всё неприличие того, что делает, и всё равно никак не мог убрать его в карман.

Дома его ждал ответ на ходатайство по службе. После выздоровления ему предлагалось уточнить намерения. Он ещё мог вернуться. На несколько мгновений эта возможность показалась почти спасительной: знакомые обязанности, люди, которым не требовалось объяснять, почему он молчит.

Александр взял перо и написал, что намерение оставить

службу остаётся неизменным.

Потом написал матери. Спросил, нельзя ли в Брэмли устроить комнату для гостьи, которая пока ни о какой поездке не думает.

Глава 7

Когда возможность окончательно оставить службу перестала быть отвлечённым намерением, Александр неожиданно рассердился.

На агента, написавшего слишком сухое письмо. На врача, который опять заговорил о терпении. На Саттона, не сумевшего найти бумагу, которую хозяин сам убрал в другой ящик. Последнее было особенно несправедливо, и именно поэтому заняло больше времени, чем заслуживало.

Камердинер выслушал, достал нужный лист и положил перед ним.

Александр посмотрел на бумагу.

– Прости.

– Ничего, сэр.

– Есть за что. Я сам её переложил.

Саттон кивнул, принимая уточнение. Отсутствие утешительной лжи заставило хозяина немного прийти в себя.

Дело не заключалось в бумаге. Ему тридцать два года, впереди могла быть ещё долгая служба. Рука постепенно восстанавливалась; никто не объявил, что он отныне способен только сидеть у камина. Можно было остаться, принять новое назначение, дождаться возвращения силы. Выбор существовал, и именно это лишало его удобного оправдания.

В Англии отставка выглядела разумной. Когда вспоми-

нал товарищей, казалась бегством. Рядом с Шарлоттой – возможностью. В одиночестве он не всегда мог отличить одно от другого.

К матери поехал без предупреждения. В дороге плечо ныло, и он несколько раз с почти злорадным облегчением подумал, что вот же причина, простая и вполне почтенная. Потом карета остановилась, боль стала меньше, а решение осталось при нём.

Маргарет встретила его так, словно не имела никаких претензий ко всем прежним редким приездам. Только вечером, когда он начал жаловаться на управляющего, подняла глаза.

– Ты мог бы чаще сам разговаривать с ним.

– Я для этого ему и плачу, чтобы не разговаривать о всяком пустяке.

– Тогда не сердись, что он решает пустяки без тебя.

Александр умолк. Мать продолжала вышивать. Он давно отвык от человека, который способен одним предложением лишить его удовольствия поворчать.

После ужина рассказал о письме агента. Маргарет отложила работу, но не стала немедленно радоваться.

– Ты уверен?

Он посмотрел на неё.

– Я думал, вы спросите, когда это наконец случится.

– Спросила бы. Если бы не видела твоё лицо.

Александр некоторое время молчал. Потом признался, что оставаться было бы легче.

Мать не поняла. Или сделала вид, что не поняла, оставляя ему необходимость объяснить.

– Там знаешь, что делать. Даже когда всё идёт дурно, существует следующее дело. Здесь каждый спрашивает, чего я хочу.

– А ты не знаешь?

Он почти сказал о Шарлотте. Не смог. Получалось слишком много желания там, где следовало бы говорить об ответственности.

– Я устал уезжать, – произнёс Александр. – Устал считать дом местом, которое подождёт. Вас – человеком, который обязательно поймёт. И всё равно, когда думаю, что останусь, не узнаю собственной жизни.

Маргарет смотрела на него очень внимательно. Ему было неловко от сказанного, но она не спешила ни хвалить, ни убеждать.

– Может быть, её придётся немного узнать, – сказала она наконец.

Он улыбнулся, хотя весело не было.

Утром прошёл по дому. В некоторых комнатах давно не открывали ставни; в других жили так привычно, что его отсутствие почти не замечалось. Возле окна стояло кресло отца, которым никто не пользовался. Александр сел, попробовал вытянуть ноги и обнаружил, что оно неудобно.

Это почему–то рассмешило его. Сколько лет вещь хранила достоинство только потому, что никто не решался прове-

рить.

Потом пришёл управляющий. Они говорили дольше обычного. Александр несколько раз спросил о том, что прежде счёл бы недостойной себя подробностью. Выслушал ответ, понял не всё, попросил объяснить снова. К концу разговора устал, но впервые за много дней чувствовал усталость от сделанного дела, а не от бесконечного спора с самим собой.

Перед отъездом мать проводила его в сад.

– Я хотела бы, чтобы ты вернулся, – сказала она. – Но не хочу становиться причиной, которой ты будешь себя уговаривать.

– Вы слишком благородны. Обычно люди охотно становятся уважительной причиной.

– Мне предстоит жить рядом и выслушивать последствия.

Он рассмеялся. Потом наклонился и обнял её, неожиданно крепко. Маргарет положила ладонь ему на затылок. Мгновение он стоял так, почти как мальчик, которому позволили не объяснять до конца.

В Лондоне Александр написал агенту окончательный ответ. Просил продолжать действия для разрешённой продажи комиссии. Перечитал, проверяя, не оставил ли себе удобной возможности отказаться. Не оставил.

Письмо Шарлотте написал после. Сообщил, что видел мать, рассказал про кресло отца, предложил привезти книгу. О службе упомянул коротко: намерен окончательно остаться

в Англии.

Он не связывал это с нею. Пока ещё не предлагал брака и не имел права делать своё решение её долгом.

Саттон, забирая письма, спросил, возвращать ли в сундук дорожные вещи.

– Нет, – ответил Александр. – Убери как следует. Некоторое время они нам не понадобятся.

Камердинер кивнул. Потом, поколебавшись, спросил:

– Вы этому рады, сэр?

Александр посмотрел на него. Саттон крайне редко позволял себе такие вопросы.

– Думаю, буду рад, – сказал он. – Когда перестану ждать, что жизнь сама объяснит мне, как ею распорядиться.

Саттон принял ответ серьёзно. Вышел, оставив хозяина за столом, на котором впервые за долгое время лежали письма о будущем, не начинавшемся с отъезда.

Окончательные бумаги пришли спустя несколько недель. Разрешение было получено, необходимые расчёты завершены. Александр перечитал сухие строки, ожидая почувствовать что–нибудь соразмерное окончанию стольких лет. Вместо этого заметил, что на столе не хватает места: рядом лежали счета из Брэмли и недописанный ответ матери.

Он убрал бумаги о службе отдельно. Перечитал письмо управляющего, достал карту поместья и впервые не отложил её до более подходящего времени.

Потом всё–таки взял старый мундир, висевший в гарде-

робной. Провёл рукой по ткани. Саттон стоял рядом, ожидая распоряжения, и на этот раз Александр не сделал вид, будто вещь больше ничего для него не значит.

– Сохрани, – сказал он.

Камердинер кивнул. Ни один из них не счёл нужным объяснять зачем.

Глава 8

Февраль 1816 года

В январе Пруденс научилась разводить огонь так, чтобы его хватало до полудня. Шарлотта заметила это случайно и рассердилась на себя за то, что горничной пришлось учиться без неё.

– Надо было сказать.

– Я сказала, мэм. Вы ответили, что вам всё равно жарко.

Она действительно могла это сказать. Последние месяцы в памяти соединялись плохо. Одни дни помнились до складки на рукаве, другие исчезали целиком.

Теперь приходилось помнить. Счета лежали в отдельной папке, которую она сперва боялась открывать, потом открывала слишком часто. Поверенный прислал первые расчёты. Денег оставалось достаточно, чтобы не умереть с голоду, и недостаточно, чтобы продолжать жить так, словно ничего не произошло. Именно этой разницы никто не умел объяснить без утешительных слов.

Шарлотта начала сама ходить к торговцам. Пруденс сопровождала её, но больше не вмешивалась всякий раз, когда она слишком долго выбирала между двумя отрезами ткани. Один такой поход занял почти всё утро. Возвращаясь, Шар-

лотта вдруг подумала, что уже час не вспоминала об Уильяме, и остановилась посреди тротуара.

– Что–нибудь забыли? – спросила Пруденс.

– Нет.

Ложь была такой маленькой, что её не за что было осудить. Она всё же почувствовала себя обманщицей.

Александр приезжал раз в неделю, иногда реже. Он приносил новости, рассказывал о смешных неудобствах лечения, однажды привёз книгу, которую рекомендовал Уильям. В другой раз – ноты. Шарлотта не открыла свёрток при нём, и он больше о нём не спрашивал.

Его присутствие меняло комнату. Шарлотта долго не могла понять как. Он не старался заполнить паузы, но всякий раз, когда она всё–таки заговаривала, поворачивался к ней с такой готовностью, словно именно этого и ждал. Она привыкала. Это происходило незаметно, без решения и потому немного пугало.

Однажды он не приехал в обычный день.

Шарлотта поймала себя на том, что прислушивается к колокольчику. Сердито отодвинула книгу и до вечера не могла выбрать занятие. На следующее утро получила записку: Александр уехал к матери, надеется вернуться через неделю.

Ей стало стыдно за своё облегчение.

– У мистера Эшфорда тоже есть дела, – сказала она, хотя Пруденс ничего не спрашивала.

– Конечно, мэм.

– Он не обязан постоянно приезжать.

Горничная разгладила полотенце.

– Нет, мэм.

Шарлотта посмотрела на неё, но лицо Пруденс оставалось непроницаемым. Иногда это раздражало больше любых замечаний.

В отсутствие Александра пришло длинное письмо Гарриет. Тётка предлагала место у своей пожилой приятельницы. Та нуждалась в образованной компаньонке, способной читать вслух, вести переписку и, при необходимости, надзирать за прислугой. Условия назывались вполне подходящими для женщины в её положении.

Шарлотта читала письмо стоя. Словосочетание «в её положении» оставалось на бумаге, даже когда она закрывала глаза.

У Гарриет она читала вслух с пятнадцати лет. Иногда по вечерам, когда хотелось спать так сильно, что буквы расплывались, тётка просила не мямлить. Уильям однажды отнял книгу и сказал, что продолжит сам. Потом читал нарочно торжественным голосом, пока Гарриет не велела им обоим прекратить глупости.

Шарлотта улыбнулась этому воспоминанию и вдруг села, потому что ноги перестали её держать.

Ей предлагали вернуться к знакомой жизни, только теперь без Уильяма, который мог войти и забрать книгу. Она не имела права считать это предложением жестоким. Кто–то

давал ей кров, дело, возможность не просить у чужих людей. Именно поэтому ответ написать не получалось.

Александр застал её над письмом через неделю.

– Плохие новости?

– Совсем напротив. Тётушка нашла мне занятие.

Он посмотрел на неё внимательнее.

– Вы хотите его принять?

– Разве это важно?

Вопрос вырвался слишком быстро. Шарлотта поправила край папки, прежде чем продолжить:

– Извините. Конечно, важно. Просто... я должна о чём–то подумать.

– О чём именно?

– Как жить дальше. Все спрашивают. Было бы удобно придумать ответ.

Она попыталась улыбнуться. Александр улыбку не поддержал.

– Вы можете пожить у моей матери.

Шарлотта подняла голову.

– С чего бы ей этого хотеть?

– Она сама предложила.

– Вы ей рассказали обо мне?

– Немного.

В этой сдержанности ей почудилось что–то неприятное. Она представила разговор, в котором чужие люди жалели её, рассуждали о том, как лучше устроить бедную вдову. Ком-

ната вдруг сделалась тесной.

– Вы очень добры. Но я не могу ездить из одного чужого дома в другой.

Он не ответил сразу. Потом кивнул.

– Понимаю.

Она не верила, что понимает. Он сидел напротив, хорошо одетый, уверенный даже в молчании. В его жизни, должно быть, существовало множество дверей, которые открывались без предварительных объяснений.

Шарлотта почувствовала злость. Тут же устыдилась её. Ему следовало быть последним человеком, на которого можно сердиться за собственные обстоятельства.

– Простите, – повторила она.

– Не извиняйтесь за отказ.

Эти слова удивили её. В доме Гарриет отказ почти всегда требовал извинения.

В тот день он уехал раньше обычного. Шарлотта проводила его до двери гостиной и вернулась к столу. Ответ тётке всё ещё предстояло написать.

На новом листе она вывела: «Я благодарю вас за заботу, но пока не готова принять это место».

Перечитала. Убрала слово «пока». Потом долго сидела, не решаясь запечатать письмо.

Внизу застучали поленья: Пруденс велела принести ещё дров. Шарлотта впервые не стала убеждать себя, что ей жарко.

Глава 9

В четверг Шарлотта велела подать карету и почти сразу пожалела о расходе.

Можно было нанять извозчика. Можно было пройти часть дороги пешком. Можно было отложить поездку, пока станет теплее. Все эти возможности пришли ей в голову уже после того, как Пруденс помогла надеть плащ, и потому выглядели особенно разумными.

– Вы передумали, мэм?

Шарлотта покачала головой. Если снова передумает, следующую неделю придётся прожить точно так же, как предыдущую: открывать папку со счетами и ждать, что цифры сами предложат выход.

Она ехала к своей прежней учительнице музыки. Некогда та занималась с девушками в доме Гарриет; Шарлотте позволяли слушать, а потом, заметив способности, разрешили присоединиться. Ей всегда казалось, что за каждую дополнительную минуту следует расплатиться особенным усердием. Учительница иногда сердилась именно на это: Шарлотта слишком боялась ошибки, чтобы дать мелодии прозвучать свободно.

Теперь собиралась спросить, нельзя ли самой давать уроки.

В передней пришлось подождать. За дверью ребёнок иг-

рал упражнение с упорством, обещавшим скорее победить инструмент, чем собственную ошибку. Женский голос спокойно возвращал его к началу. Потом послышался смех, короткий и совершенно обыкновенный.

Шарлотта почувствовала зависть. Можно было сидеть в тёплой комнате, сердиться на упрямую ноту, получать за это деньги и к вечеру знать, что день прошёл не только в ожидании.

Учительница встретила её ласково, но без избыточной жалости. Посмотрела на чёрную отделку платья, взяла обе руки и сказала, что рада видеть.

Из–за этого говорить оказалось труднее. Шарлотта приготовилась к вопросам о муже, к советам беречь здоровье, к вежливой невозможности помочь. Простая радость нарушила весь порядок.

– Я хотела спросить о работе, – произнесла она наконец.

Женщина села напротив и выслушала до конца.

Потом начались вопросы. Где Шарлотта собирается жить, готова ли ездить к ученицам, сколько времени может уделять занятиям, возьмётся ли учить совсем маленьких. На некоторые она отвечала уверенно, на другие не знала ответа. Наконец сама рассмеялась – коротко, без веселья.

– Кажется, я вообразила, что достаточно уметь играть.

– Играть вы умеете. Теперь надо понять, как превратить это в занятие, на которое можно положиться.

Шарлотта кивнула. Слова были деловыми и потому не

унижали. Нужно было составить список, узнать, найти рекомендации. Всё это можно делать, если перестать ждать, что жизнь устроится одним решением.

Её попросили сыграть немного. Она подошла к фортепиано с таким волнением, будто снова была девочкой в доме Гарриет. Положила руки на клавиши, начала знакомую вещь – и остановилась через несколько тактов.

Уильям любил именно эту мелодию.

Она не подумала прежде, чем выбрать. Пальцы знали дорогу раньше памяти, а теперь память догнала и сделала продолжение невозможным.

Шарлотта убрала руки.

– Простите.

Учительница не стала немедленно говорить, что всё понимает. Села рядом, закрыла ноты и некоторое время молчала.

– Давно играли?

Шарлотта покачала головой.

– Тогда не будем судить по сегодняшнему дню. Вам нужно сначала вернуться к инструменту. Можно начать с того, что меньше напоминает о доме.

Домом она назвала прежнюю жизнь. Шарлотта поняла это без уточнения и почувствовала, как подступают слёзы.

– Я не знаю, когда смогу.

– Пока не обещайте ученицам определённого срока. Это будет честнее и к ним, и к вам. Я поспрашиваю знакомых. А вы приходите снова, если захотите.

Шарлотта поблагодарила. Получилось слишком горячо, будто ей уже дали работу, хотя на самом деле только помогли понять, сколько ещё нужно сделать.

На обратном пути вышла из кареты раньше, чем следовало. Захотелось пройтись. Пруденс пошла рядом, не спрашивая о результате, и Шарлотта была ей благодарна, пока молчание не стало слишком тяжёлым.

– Я сегодня ничего не решила.

– Вы съездили, мэм.

– Это не одно и то же.

– Нет. Но вчера вы только собирались.

Шарлотта посмотрела на неё. Горничная придерживала край плаща, обходя лужу. Простая разница между «собиралась» и «сделала» почему–то помогла больше всех утренних надежд.

Дома её ждал Александр.

Он встал при её появлении и сразу заметил покрасневшие пальцы. Пруденс унесла плащ, оставив их в гостиной. Шарлотта села ближе к огню.

– Вы долго гуляли?

– Немного. Я была у своей прежней учительницы.

– Хотели взять ноты?

– Хотела спросить, могу ли сама давать уроки.

Он замолчал. Шарлотта увидела удивление и тут же приготовилась защищать своё намерение.

– Мне нужно какое–нибудь занятие. И я не могу беско-

нечно жить здесь, не думая о расходах.

Александр поставил на стол книгу, которую принёс. Ему хотелось сказать, что она могла бы вообще перестать думать об этих расходах, если бы позволила ему устроить дело. Но она и без того выглядела так, будто ждёт нового объяснения, почему её собственная попытка не годится.

– Что она ответила?

Шарлотта посмотрела на него. Не этого вопроса ожидала.

– Что сначала нужно понять, как найти учениц. И снова начать играть.

Он кивнул.

– Это последнее трудно?

Она некоторое время смотрела на огонь.

– Да.

Он не стал спрашивать почему. У Шарлотты вдруг пропала необходимость держаться прямо и спокойно, словно она отчитывается перед человеком, имеющим право оценить результаты.

– Я попробовала и не смогла, – сказала она. – Самое простое. Совершенно знакомую вещь.

Александр придвинул к ней чашку. Она взяла обеими руками, позволяя согреть пальцы.

– Вам нужно было выбрать что–нибудь знакомое, – сказал он после паузы. – И именно знакомое оказалось труднее всего.

Шарлотта подняла голову. В голосе не было утешитель-

ной уверенности. Он просто пытался понять то, о чём она сказала.

– Да, – повторила она.

Некоторое время сидели молча. Потом она сама спросила, что за книгу он принёс. Александр рассказал, прочёл несколько строк, остановился на особенно нелепом замечании автора и посмотрел на неё.

Шарлотта улыбнулась.

Встреча не изменила её положения. Учениц не прибавилось, счета не стали меньше. И всё–таки вечер впервые за несколько дней оказался не продолжением утренней неудачи.

Когда Александр ушёл, она взяла бумагу и записала вопросы, которые следовало задать при следующем посещении учительницы. Потом положила лист возле нот.

Не открыла инструмент. Не заставила себя сыграть. Просто оставила на столе дело, к которому могла вернуться завтра.

Пруденс нашла её за этой работой и спросила, не пора ли отдыхать.

– Скоро, – ответила Шарлотта. – Я ещё немного посижу.

Она посмотрела на книгу Александра, на собственный список, на закрытую папку со счетами. День не принёс готового будущего. Но впервые оно состояло не только из чужих предложений.

Глава 10

Июль 1816 года

Он выбрал день так тщательно, словно правильный день мог избавить их от всего остального.

Прошло больше года. Шарлотта сама сказала в последнем письме, что думает сменить дом. Её здоровье стало лучше; она снова читала, иногда выходила к знакомым. У Александра больше не оставалось причины ждать, кроме самой убедительной: она могла отказать.

Он привык к отказам. Он даже умел их принимать с достаточным изяществом, чтобы женщина впоследствии сомневалась, не ошиблась ли. Здесь всё это было совершенно бесполезно. Отказ Шарлотты означал бы, что он продолжит приезжать, приносить книги, разговаривать с поверенным и каждый раз останавливаться за той же чертой. Или перестанет приезжать и станет именно тем человеком, которого заслуженно презирает.

Александр попросил Пруденс узнать, может ли хозяйка его принять. Горничная удивилась: прежде ему не приходилось ждать в передней. Он понял, что уже выдал себя.

Шарлотта была в сером платье. Чёрный воротничок ещё подчёркивал лицо, но возле окна оно впервые за долгое вре-

мя показалось ему живым, согретым дневным светом. Александр начал с погоды и возненавидел себя за это.

Она слушала спокойно. Вероятно, была уверена, что вслед за погодой он перейдёт к очередной книге.

– Я хотел поговорить с вами о другом, – сказал он наконец.

– Конечно.

– О вашем положении. Простите, я неудачно выразился. О том, что будет дальше.

Шарлотта выпрямилась. Он заметил это слишком поздно.

– Вы тоже нашли для меня место?

– В некотором смысле.

Ему никогда прежде не хотелось так сильно попросить собеседницу забыть только что сказанные слова.

– Шарлотта, я прошу вас выйти за меня замуж.

Она не шелохнулась. Только пальцы на подлокотнике медленно разжались.

– За вас?

– Да.

– Почему?

Вопрос был так прост, что Александр на мгновение растерялся. Все разумные объяснения, к которым он готовился, отступили перед единственным, которого он не собирался произносить.

– Я могу предложить вам дом. Устроенную жизнь. Уважение к вашей памяти об Уильяме.

Она поднялась.

– Не надо.

Александр тоже встал.

– Выслушайте меня.

– Я услышала. Я не могу.

В её голосе было столько испуга, что желание убедить на мгновение уступило другому: отступить, сесть, сказать, что всё это недоразумение. Но он уже столько месяцев жил надеждой на этот разговор.

– Я понимаю, что для вас это неожиданно. И всё–таки прошу обдумать. Я не жду ответа сегодня.

– Мне нечего обдумывать. Вы были другом моего мужа.

– Именно поэтому я знаю, как много вы потеряли.

Он услышал, насколько удобно это звучит. Шарлотта подошла к окну, оставив между ними стол.

– Вы говорите так, будто можно предложить мне другое вместо того, что я потеряла.

– Я не собираюсь занимать его место.

– Тогда какое место вы хотите занять?

Александр посмотрел на её руки. Она держала их перед собой, крепко сцепив, словно боялась сделать лишнее движение. Он представил эти руки на своём плече и усилием воли поднял глаза.

– Место мужа, которого вы сможете уважать. Со временем, надеюсь, и друга.

– Вы уже мой друг.

Она произнесла это как последнюю возможность остано-

виться. Он всё–таки продолжил.

– Дружба не даёт мне права защитить вас так, как я хотел бы.

– От чего?

Он едва не ответил: от необходимости просить. Вместо этого заговорил о доме, о будущем, о том, что у матери ей будет спокойно. Всё звучало разумно. Можно было спорить с отдельными доводами, но трудно было объяснить, почему сама их разумность заставляет её отступать всё дальше.

– Вы не можете хотеть такой жизни, – сказала Шарлотта. – Вам будет тяжело со мной. Я знаю, что вы привыкли...

Она остановилась.

Александр позволил себе слабую улыбку.

– Я догадываюсь, что вы слышали.

Шарлотта покраснела. Ему следовало оставить это. Он оставил.

– Я сам отвечаю за то, чего хочу, – сказал он. – И прошу вас верить, что подумал об этом.

– Вы жалеете меня.

Он молчал слишком долго.

– Я беспокоюсь о вас.

– Это очень близко.

За дверью звякнула посуда. Обыкновенный домашний звук позволил обоим на мгновение отвернуться. Александр понял, что проигрывает. И произнёс то, что до сих пор оставлял напоследок.

– Уильям просил меня жениться на вас.

Шарлотта медленно повернулась.

– Что?

– В ту ночь. Он боялся оставить вас одну. Я обещал предложить вам брак после траура.

– Вы дали слово?

– Да.

Ему стало холодно от собственного облегчения. Она больше не спорила; он получил её внимание таким способом, за который ещё минуту назад осудил бы другого.

– Почему вы прежде не сказали?

– Потому что вы горевали. И потому что это не должно было становиться ещё одной вашей обязанностью.

Вторая часть ответа была верна лишь настолько, насколько он позволял ей оставаться верной. Шарлотта стояла у окна, глядя в сад за чужими домами.

– Он и об этом думал.

Александр ничего не сказал.

– Когда ему самому... – Она прижала пальцы к губам. – Простите.

Теперь уже он просил её сесть. Она послушалась, и он ненавидел собственную надежду, не переставая за неё держаться.

– Вы не обязаны соглашаться из–за него, – сказал Александр.

– А вы обязаны были предложить.

Слова легли между ними так ровно, что он не сумел сразу разрушить их порядок.

– Мне это не в тягость.

Шарлотта посмотрела на него с неожиданной жалостью.

– Вы очень добрый человек.

Никогда прежде похвала не причиняла ему такой боли.

Он уехал, не получив ответа. Она попросила времени, и он согласился с поспешностью, которая должна была насторожить его самого. На улице оказалось солнечно. Александр с трудом вспомнил, зачем взял с собой перчатки.

В тот же вечер Шарлотта достала письма Уильяма. Ей хотелось найти в них подтверждение, что он действительно мог попросить об этом. В каждом письме он строил планы. В каждом ждал возвращения. Ни в одном не учил её жить без него.

Она сидела допоздна и впервые рассердилась на покойного мужа.

Утром от этой злости осталось такое чувство вины, что она не смогла завтракать.

Глава 11

Гарриет приехала без предупреждения и сразу велела снять чехол со стула, потому что он собирает пыль.

Шарлотта посмотрела на Пруденс. Та без единого слова выполнила просьбу. Тётка села, расправила складки дорожного платья и заметила, что в доме стало неуютно.

Прежде Шарлотта приняла бы это замечание как собственную вину. Теперь почувствовала только усталость.

– Вы проездом?

– Я сочла необходимым увидеть, как ты устроилась. Из писем ничего нельзя понять.

– Здесь ничего не изменилось.

Гарриет посмотрела на неё с укором.

– Именно это меня и тревожит.

Они говорили о сроке аренды, о расходах, о вещах, которые не имело смысла перевозить. Гарриет знала больше, чем Шарлотта успела ей сообщить. Семейный поверенный, дальний кузен Уильяма, общие знакомые – чужая забота образовала вокруг неё тесную сеть, в которой всякая мелочь уже была кем–нибудь оценена.

– У нас для тебя теперь нет подходящих комнат, – сказала тётка. – После приезда Луизы всё пришлось переустроить. Ты, конечно, понимаешь.

Шарлотта понимала. Она ещё помнила, как легко её преж-

няя маленькая комната превращалась в гостевую, когда приезжал кто–нибудь более важный.

– Я не собиралась просить.

– Не нужно говорить таким тоном. Я предлагаю подумать о положении, которое тебе нашли. Миссис Дентон весьма достойная женщина.

– Я уже ответила.

Гарриет поджала губы.

– Твой отказ поставил меня в неловкое положение. Я поручилась за тебя.

Шарлотта посмотрела на собственные руки. Возле ногтя остался след чернил; утром она составляла список мебели для продажи. Ей вдруг очень захотелось показать тётке этот список: вот доказательство, что она думает, считает, пытается. Хотелось, как в детстве, заслужить право перестать оправдываться.

Она оставила руки на коленях.

– Простите, что доставила вам неудобство.

– Неудобство невелико. Но я должна понимать, что у тебя на уме. Говорят, Эшфорд часто бывает здесь.

Шарлотта подняла голову.

– Он был другом Уильяма.

– Это всем известно. Не всем известно, почему такая дружба требует постоянных визитов к вдове.

В комнате стало душно. Пруденс, стоявшая у двери, медленно повернула голову к хозяйке. Шарлотта поняла, что мо-

жет сейчас отпустить её и тем самым признать, будто для разговора действительно есть постыдная причина.

– Вы приехали спросить меня об этом?

– Я приехала предупредить. Твоё положение и без того непросто. Не стоит усложнять его необдуманным поведением.

Она говорила не громче обычного. Именно так много лет назад поправляла Шарлотту за неверно поставленную чашку. Отсутствие гнева делало возражение почти неприличным.

– Мистер Эшфорд предложил мне выйти за него замуж, – сказала Шарлотта.

Пруденс отвела глаза. Гарриет несколько мгновений молчала.

– Вот как.

Шарлотта вдруг испугалась, что сказала это слишком поспешно. Предложение, которое пугало её саму, только что стало единственным щитом от тёткиного голоса.

– Я ещё не дала ответа.

Гарриет осмотрела комнату, словно искала в ней недостающее объяснение.

– Должна признать, это было бы весьма удачным устройством. Хотя я не думала, что у Эшфорда подобные намерения. Он всегда производил впечатление человека, дорожащего свободой.

Шарлотта узнала слова и почувствовала, как они возвра-

щаются к ней из совсем другого, счастливого вечера.

– Он сам сделал предложение.

– Я ведь не спорю. Я только надеюсь, ты достаточно благодарна за его великодушие.

Именно это слово заставило Шарлотту встать.

– Прошу меня простить. Я сегодня плохо себя чувствую.

Гарриет посмотрела на неё внимательно. Потом поднялась с достоинством человека, которому позволено обидеться.

– Я не стану задерживаться. Подумай о том, что я сказала.

После её отъезда Шарлотта прошла в переднюю и долго стояла возле закрытой двери. Пруденс ждала в нескольких шагах.

– Надо было сказать мне, чтобы я вас не принимала, мэм.

– Я не знала.

– Теперь знаете.

Простота ответа почти рассмешила её. Она вернулась в гостиную, села на стул, с которого сняли чехол, и впервые за всё время поняла, как сильно хочет уехать.

В тот день ей принесли ещё одно письмо. Хозяин дома подтверждал, что продлевать договор не намерен. В конце месяца комнаты следовало освободить. Он сожалел об обстоятельствах и доверял её пониманию.

Шарлотта прочла письмо один раз. Положила рядом с тёткиной визитной карточкой. Два белых прямоугольника, каждый вполне учтивый, занимали на столе совсем немного ме-

ста.

Она вызвала Пруденс.

– Найдите бумагу, пожалуйста.

Горничная не спросила, кому она собирается писать.

В ответе Александру Шарлотта благодарила за доброту. Слова о благодарности выходили легко, слишком легко. Она согласна принять его предложение, если он по–прежнему считает это возможным. Последнюю фразу переписала дважды: нельзя было превращать согласие в новую просьбу избавить её от собственного решения.

Потом всё–таки оставила.

Когда письмо унесли, она ощутила облегчение, почти похожее на счастье. Это испугало её сильнее всего.

Впервые за много месяцев существовал следующий месяц, о котором можно было подумать, не задерживая дыхания.

Глава 12

Александр перечитал её согласие всего один раз. Потом положил письмо на стол и вышел из комнаты.

Саттон нашёл его в передней без шляпы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.